

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.067

УДК 821.161.1:325.2 + 821.161.1-312.6

Андреев (Хомяков) + 94(470)“19/...”

Ю. В. МатвееваУральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**ПОКОЛЕНИЕ, ПРОШЕДШЕЕ «ОДВУКОНЬ»:
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. А. АНДРЕЕВА (ХОМЯКОВА)
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКИХ СУДЕБ «МОЛОДЫХ»
ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Если бы время не было пронизано
единством жизненных событий...

Б. Пастернак

В статье делается попытка расширить границы давно устоявшихся представлений о «незамеченном поколении» русских писателей-эмигрантов путем сопоставления жизненных судеб и литературного творчества авторов из когорты эмигрантских «сыновей» и их ровесников из советской России, в данном случае — тех из них, кто оказался на Западе во время Второй мировой войны. В качестве примера рассматривается творчество Г. А. Андреева (Хомякова), который в своей документально-автобиографической прозе последовательно воспроизвел жизнь своего поколения в его «советском» варианте: тюрьма и лагерь; участие в процессе советского строительства и производства; солдатская участь во время войны. Указанные три тематических пласта (лагерный — производственный — военный) почти в точности совпадают с наиважнейшими блоками автодокументального сюжета, стабильно присутствующего в произведениях «молодых» авторов белой эмиграции: Гражданская война в России; деклассированное существование в чужой стране; участие в Сопротивлении. На проблемно-содержательном и мотивно-тематическом уровнях выявляются черты поколенческой общности в творчестве Г. А. Андреева (Хомякова) и многих представителей «молодой» литературы первой волны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Г. А. Андреев (Хомяков); вторая волна эмиграции; «незамеченное» поколение; «сыновья» эмиграции; автобиографическая проза.

Владимир Варшавский начинает свою знаменитую книгу со ссылки на выступление Н. И. Ульянова, в котором тот, историк по образованию и эмигрант эпохи Ди-Пи (DP — *displaced person*, ‘перемещенное лицо’), невзначай наносит удар по самолюбию бывших сыновей эмиграции: «...племя, возросшее в изгнании, не выдвинуло ни одного имени, ни одного громкого дела. <...> Всех их должно отнести к дореволюционному поколению» [Варшавский, с. 15]. Именно это высказывание дипийца Н. Ульянова стало символической точкой отталкивания для белоэмигранта В. Варшавского, своеобразным тезисом, требующим

глубокого и обстоятельного опровержения. Антитезисом к нему можно считать шесть глав книги о «незамеченном поколении».

Нечаянная небрежность по отношению к внутреннему единству и культурной самобытности поколения «сыновей» сквозит в и словах другого эмигранта Ди-Пи — Л. Д. Ржевского, мельком назвавшего их, писателей младшего первоэмигрантского призыва, в своем романе «Между двух звезд» «полупоколением» [Ржевский, 2000, с. 253]. Деликатно не указывая конкретного адресата своих слов, но, безусловно, направляя их в адрес эмиграции первой волны, в которой растворялись его же ровесники с той, другой, белоэмигрантской стороны, Л. Ржевский в другом своем тексте — докладе на тему «Национальная культура и эмиграция», прочитанном на расширенном совещании издательства «Посев» в сентябре 1952 г. в Лимбурге, — скажет о так называемых «мансардных эмигрантах», чья культура глубоко провинциальна и неизбежно стремится к «консервации» и «затуханию» [Ржевский, 1952, с. 8–9]. О весьма критическом настрое эмигрантов второй волны по отношению к своим русским предшественникам в Европе на примере споров вокруг издания «молодого журнала» «Опыты» подробно пишет О. А. Коростелев, цитируя высказывания В. Завалишина, Б. Филиппова, С. Максимова, в которых они, эмигранты военного времени, почти в унисон осуждают «архаический» и старомодный вкус редакторов Р. Н. Гринберга и В. Л. Пастухова [Коростелев, с. 426–427].

В свою очередь и писатели первой эмиграции не питали иллюзий насчет эмигрантов новой формации, появившихся в Европе после войны. Их не могло не задевать то, что новоэмигранты были приняты Западом с распростертыми объятиями, что им были «обеспечены симпатии либеральной интеллигенции» [Струве, с. 257], что «в материальном смысле новая эмиграция оказалась скорее в преимущественном положении: ее наиболее квалифицированным элементам не пришлось идти в шоферы, рабочие автомобильных заводов, железнодорожные контролеры, маляры» [Там же], что, наконец, «к ее услугам оказалось Издательство имени Чехова — предприятие такого масштаба, о каком довоенная эмиграция могла только грезить» [Там же, с. 258].

«Вторая эмиграция ни одного писателя, кроме Вас, не дала», — пишет своему корреспонденту Леониду Ржевскому в 1970 г. Гайто Газданов. Затем ироничный и острый на язык Газданов прибавляет целый пассаж: «Впрочем, насчет второй эмиграции я ошибся, прошу прощения. На радиостанции “Свобода” в русской редакции работает еврей небольшого роста <...> страдающий манией преследования, манией величия и комплексом неполноценности» (письмо от 30 ноября 1970 г.) [Газданов, с. 241]. Разумеется, этот шаржированный портрет, созданный Газдановым, есть не что иное, как пародия на средне-статистического дипийца.

По-видимому, и то, и другое эмигрантское сообщество не очень хорошо представляло действительный опыт (не только творческий, но и жизненный) своих оппонентов. И все-таки эти два звена одной генерации русских писателей, рожденных на рубеже веков и прошедших разный, но одинаково тяжелый путь

становления как в Европе, так и в советской России, — встретились. Встретились после Второй мировой войны на территории новой послевоенной Европы, а потом и Америки. И это был единственный вариант их реальной встречи во времени, ибо с теми писателями, которые продолжили общий строй ровесников по ту сторону советской границы (Л. Гинзбург, Н. Заболоцкий, Ю. Олеша, А. Платонов, Л. Чуковская, В. Шаламов и многие-многие другие), встреча (в смысле человеческих устойчивых контактов, сотрудничества, дружеских связей), как мы знаем, так и осталась невозможной.

Соединение двух крыльев, двух звеньев, двух частей расколотого надвое поколения — проблема громадная и непростая, по сути дела — проблема времени. Внимательные и склонные к анализу литераторы первой эмигрантской волны почти два десятилетия, до самой войны, непрерывно подводили баланс обоим русским литературам XX в. Мнений по этому вопросу накопилось множество, но два из них стоит привести, ибо они как нельзя более точно характеризуют в том числе и то своеобразное равновесие сил, что сложилось внутри одного и того же поколения русских писателей по разные стороны советской границы.

Первое высказывание принадлежит З. Гиппиус. В своем докладе «Русская литература в изгнании» на одном из собраний «Зеленой лампы» она, сравнивая «неблагоприятные условия» существования литературы в эмиграции и литературы в России, сделала вывод: «...между нами нерушимая связь. <...> По тому же предмету нам задан судьбой один урок — им другой. Вот и все» [цит. по: Терапиано, с. 311]. Второе замечание — из книги Р. Гуля «Одвуконь. Советская и эмигрантская литература». В преамбуле к своей книге критических статей и заметок о русской литературе автор вспоминает устаревшее слово *одвуконь* (из Даля: ехать двуконь или одвуконь, верхом, с подручной или запасной лошадей) [Гуль, с. 3]. Этим словом, вынесенным в заглавие книги, Р. Гуль определяет форму существования всей русской послереволюционной словесности: «После большевистского переворота русская литература пошла одвуконь. Часть ее осталась в своей стране, а часть выбросилась на Запад, в свободные страны, став русской эмигрантской литературой. Так — одвуконь — русская литература жила полвека» [Там же]. Повторим, что оба суждения можно применить к судьбе того литературного поколения, о котором идет речь в нашей статье. Конечно, молодые люди почти одного возраста, начавшие писать по разные стороны советской границы, сталкивались с разной реальностью и преодолевали разные препятствия, но их первоначальный энергетический импульс был единым, ведь они оставались детьми одной эпохи и одной национальной истории, хоть и сложились их личные и творческие судьбы в разных социальных, территориальных и ментальных сферах.

Думается, было бы небезынтересно рассмотреть, как именно общие характерологические черты поколения, названного В. Варшавским «незамеченным», проступают в литературном творчестве тех его представителей, которые оказались вынесены на Запад второй волной эмиграции и которым, выражаясь языком З. Гиппиус, был задан «другой» жизненный урок.

Вторая волна эмиграции так же, как и первая, отнюдь не была однородной в возрастном и идейном смысле. Здесь оказались те, кого можно было бы причислить к писателям старшего и среднего поколения первой волны эмиграции (Д. Кленовский, Н. Нароков, Б. Ширяев), а также те, кто был или почти был ровесником Октября (О. Анстей, И. Елагин, С. Максимов, В. Марков, Н. Моршен, В. Юрасов). Что касается возрастной группы «незамеченных», к ней можно отнести Г. Андреева (Хомякова), Ю. Иваска, Л. Ржевского, И. Сабурову, Н. Ульянова, Б. Филиппова. Характерно, что многие представители этой генерации Ди-Пи быстро вошли в контакт и нашли общий язык со своими ровесниками из первой волны, занявшими к тому времени ключевые позиции в русском эмигрантском сообществе. Более других, возможно, это относится к проживавшим до войны в Прибалтике И. Чиннову и Ю. Иваску, никогда, собственно говоря, не порывавшим с эмигрантскими писателями и эмигрантскими периодическими изданиями; к Б. Филиппову, ставшему сотрудником Издательства имени Чехова и начавшему профессионально сотрудничать с Г. П. Струве; к Л. Ржевскому и Г. Андрееву (Хомякову), осевшим на какое-то время в Европе и включенным в русско-эмигрантскую общественно-политическую и издательскую деятельность.

Возьмем в качестве примера письма Г. Газданова, в то время (1950–1960-е гг.) редактора русской службы радио «Свобода» в Мюнхене, писателю Леониду Ржевскому. Быть может, своим давним знакомым — Г. Адамовичу, Р. Гулю, В. Вейdle Газданов писал более глубокие, более направленные в сторону литературы и философии письма, но никому из них он не писал столь живо, с таким количеством шуток и вопросов, причем вопросов, так сказать, экстралитературного, т. е. чисто житейского, человеческого характера. Учитывает Г. Газданов и «советское» прошлое своего корреспондента — советская действительность, политика, язык становятся неиссякаемым резервуаром для его остроумия. Вообще, на фоне писем Г. Газданова к другим его адресатам, «своим», но в то же время занимающим устойчивое положение во внутриэмигрантской табельной иерархии, видно, что с Ржевским у него сложился совершенно особый язык общения, причем общения накоротке, дружеского, допускающего и рассказы о планах на лето, и жалобы на жизнь, и высказывания о третьих лицах, и маленькие приписки жены в конце письма.

В том же дружеском доступном тоне касается Г. Газданов в своих письмах Л. Ржевскому и Р. Гулю и еще одного имени — имени Геннадия Андреевича Хомякова, известного под литературным псевдонимом Геннадий Андреев. Приведем некоторые из этих строк: «Но *Андрееву* (здесь и далее курсив мой. — Ю. М.) пришла в голову гибельная мысль — напечатать в том же номере ПЬЕСУ — можете себе представить? И чью? Старухи Берберовой» [Газданов, с. 214]; «Я написал *Андрееву*, что буду слезно Вас просить о спасении» [Там же, с. 215]; «*Геннадий Андреевич*, дай ему Бог здоровья, любитель литературных салатов...» [Там же]; «Был недавно в Вашем любимом Мюнхене, где грустит бедный *Геннадий*..!» [Там же, с. 218]; «...а мы продолжаем мирно

жить в Европе, *Хомяков* работает в русской редакции, удовольствия от этого не получает, но вместе со Степуном, которого терзает тщеславие, собирается выпускать еще один номер “Мостов”» [Газданов, с. 220]; «Видели недавно в Венеции *Хомяковых*, старик рассказывает о Вашей даче, конечно, на берегу озера» [Там же, с. 221]; «*Хомяков* ничего, держится, и все норовит издавать “Мосты”, хотя денег нет. Я этого бескорыстного энтузиазма понять не могу, хотя одобряю» [Там же]; «В нашей программе намечена серия под условным названием “дневник писателя”. Мы предполагаем привлечь к участию в ней Вас, Адамовича, Вейдле, *Хомякова*, может быть еще *Иваска*» [Там же, с. 225]; «Как *Хомяков*? Как “Мосты”?» [Там же, с. 229]; «Тысячу лет ничего не знаю о *Геннадии Андреевиче*» [Там же, с. 238].

Даже из этих небольших эпистолярных фрагментов можно судить о сфере деятельности *Геннадия Андреевича Андреева* (*Хомякова*): сотрудничал на радио «Свобода», длительное время редактировал альманах «Мосты». Кроме того (указаний на это уже нет в письмах *Газданова*), был известен как деятель Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), входил в редколлегию «Нового журнала», какое-то время был главным редактором журнала «Возрождение». Литературное творчество *Г. Андреева* (*Хомякова*) состоит из рассказов и очерков, в большинстве своем — автобиографического характера. Это, прежде всего, четыре очерковых книги: «Соловецкие острова» (1950), «На стыке двух эпох. Из воспоминаний» (1954), «Трудные дороги» (1959), «Минометчики» (1975–1978), а также целый ряд рассказов: рассказы, вошедшие наряду с циклом «На стыке двух эпох» в книгу «Горькие воды. Очерки и рассказы» (1954), и несколько других, опубликованных в разных эмигрантских изданиях.

Газданов, как мы помним, среди писателей «второй эмиграции» назвал только *Л. Ржевского*, однако не *Ржевский*, а именно *Г. Андреев* в своей документально-биографической прозе наиболее последовательно воспроизвел жизнь своего поколения с ее «советской» стороны: тюрьма и лагерь («Соловецкие острова» и «Трудные дороги»), участие в процессе советского строительства и производства («На стыке двух эпох. Из воспоминаний»), наконец, солдатская участь во время войны — фронт, плен, немецкие концлагеря («Минометчики»). Отметим, что эти три тематических пласта (лагерный — производственный — военный), охваченные *Г. Андреевым*, удивительно коррелируют с тем автодокументальным следом, что вполне отчетливо ощутим в литературе «молодой» белой эмиграции: Гражданская война, деклассированное существование в чужой стране, участие в Сопrotивлении или пребывание во французской армии и немецком плену. И в том, и в другом случае речь идет о поколении людей, которое изначально оказалось выбито, вырвано из привычной системы ценностей, вообще из мира какой-либо социальной определенности — вырванные с корнем (*de l'émigré au déraciné*), как назовет их швейцарская исследовательница *А. Морар* [*Morard*]. «Смысловая перепланировка» (*Ю. Тынянов*) мира для представителей этого поколения обернулась «смысловой перепланировкой» собственной жизни, причем перепланировкой вовсе не произвольной, но строго предопределенной

масштабом исторических событий, которые разметили одинаковыми вехами общую траекторию поколенческого движения.

Как и для большинства его пишущих сверстников из первой русской эмиграции, для Геннадия Андреева главным делом творческой жизни стало создание «литературы свидетельства» в полном и буквальном смысле этого слова. В этом нет ничего удивительного, ведь событийный и эмоциональный багаж подобных человеческих судеб чаще всего просто не оставлял места чистому вымыслу. Поэтому, собственно, мы и сочли возможным рассмотреть автобиографическую прозу Г. Андреева в контексте «свидетельств» «сыновей» эмиграции.

Первый, изначальный круг испытаний, пройденных Г. Андреевым, отразился в двух его очерковых книгах — «Соловецкие острова» (1950) и «Трудные дороги» (1959). Но если многие представители младшего поколения первой эмиграции стали «преждевременными воинами» Гражданской войны [Цуриков, с. 46], то Г. Андреев оказался в 1927 г. «преждевременным» политзаключенным советской тюремно-лагерной системы. Дата рождения писателя, очевидно, так и осталась доподлинно неизвестной (разные источники называют год его рождения в интервале от 1904 г. до 1911 г.; М. Е. Бабичева, автор наиболее полного на сегодняшний день очерка жизни и творчества Г. Андреева, указывает, что «по одним источникам это — 1909 г., по другим — 1910 г.» [Бабичева, с. 48]), однако тексты Г. Андреева, причем разные, дают возможность эту дату скорректировать: в эпизоде допроса в следственном изоляторе («Соловецкие острова») чекист спрашивает автобиографического героя Андреева: «вам ведь тоже 18?», и тот «утвердительно кивает головой» [Андреев, 1950, с. 58–59]. Но в Соловецком лагере герой к тому времени находится примерно год, следовательно — попал он сюда, а тем более под следствие, не позднее семнадцати лет. Подтверждается возраст героя на момент его ареста и начала большого лагерного пути в очерке «Северная робинзоада» («Трудные дороги»): здесь он сообщает о себе, что отсидел три года и теперь он, «двадцатилетний юноша», говорит с неожиданным напарником по карантину «как умудренный опытом и остывший старик» [Андреев, 1959].

Интересно, что точно так же, как, например, герой Г. Газданова Коля Соседов среди бойцов бронепоезда «Дым» («Вечер у Клер») или как герой В. Андреева среди солдат миллеровской армии («История одного путешествия»), герой Г. Андреева, оказавшийся в Соловецком лагере особого назначения, благодаря своему возрасту имеет как бы особый статус — повсюду младшего, не отягощенного прошлым, не имеющего нравственных кривизн, неискушенного, но при этом пронзительно-тонкого наблюдателя. Повествуя о своей камере, семнадцатилетний герой «Соловецких островов» намеренно редуцирует на фоне других заключенных собственную персону: «Шестой в камере — я, но обо мне и речь молчит: я еще слишком молод, чтобы считать себя за равного другим жителям камеры» [Андреев, 1950, с. 47]. Сам герой — *tabula rasa*, но другие обитатели камеры и просто лагерные знакомые — люди пожившие, что-то из себя представляющие, имеющие послужной список и скопившие резерв знаний

и впечатлений. Все они охарактеризованы кратко, но очень полно: прошлое, портрет, черты характера, манера поведения. (Андреев вообще мастерски создает такие экспресс-портреты.) Больше других героя Г. Андреева, по существу мальчишку, привлекают такие персонажи, в которых он видит наставников или же отыскивает внешне романтический, привлекательный для себя идеал. Так, особую роль в соловецкой судьбе героя играет профессор Стрешнев — живая энциклопедия и неутомимый просветитель, а в нечеловеческих условиях лесозаготовок — так и просто настоящий спаситель. «Много помог» «на первых порах», «вытащил с общих работ, устроил в канцелярию» бывший эсер Шевелев. Огромное впечатление производят бывший большевик, друг Ленина и Троцкого, монументальный Кожевников и бывший офицер царской армии Сливинский. Однако взгляд героя на этих людей тоже предопределен возрастом: во многих из них он впоследствии разочаровался или ошибся. Шевелев оказывается на поверку — как бросает одна из заключенных — «подлым сексотом», Сливинский становится предателем, а внешнее величие Кожевникова переходит в подлинное сумасшествие: «летом 1929 года Кожевников, окончательно сойдя с ума, напишет манифест, в котором объявит себя “соловецким королем Иннокентием I и дарует всем заключенным свободу”» [Андреев, 1950, с. 53]. Таким образом, история взаимоотношений со старшими лагерниками становится для персонажа Г. Андреева суровой жизненной школой, оправдавшей и заповедь-императив Шевелева («Себе не верь, понимаешь? Никому не верь!»), и философский вердикт Кожевникова («Раньше говорили, что тюрьма или закаляет, или развращает людей. <...> Для нашего времени это неверно. Тогда тюрьма была исключением, теперь везде тюрьма. Сейчас люди не закаляются и не развращаются, а обнажаются») [Там же, с. 51].

Конечно, взрослые, так сказать «настоящие» лагерники составляют главный контекст соловецкой жизни героя Г. Андреева, в котором он ежедневно существует и постепенно учится жизни, однако это не весь его круг. Его душа, не смирившаяся с заключением, заставляет мечтать о побеге, а значит — консолидироваться с такими же, как и он, молодыми, несмирившимися людьми. И это другая, тайная ипостась его существования: «Я продолжаю работать, жить, как все, но я живу двойной жизнью: вторая проходит внутри, в иступленных мечтах о побеге». Причем мечте этой, этой надежде отнюдь не мешает ясное осознание того, что «с проклятых Соловков, окруженных морем, за всю историю лагеря не убежал ни один человек» [Там же, с. 52]. Так возникает дружба с двумя студентами — Синицыным и Петровым, так возникает план создания большой конспиративной организации. Старшие все понимают, но бездействуют, молодежь, как и любая молодежь во все времена, пытается активно протестовать: «Нас в Соловках — десять тысяч. Разве четыреста человек удержат нас?» [Там же, с. 51]. Не важно, что побег не удастся, и сам герой оказывается из-за него на волосок от гибели, в глубине души он до конца своего соловецкого заключения так и не смирится с тем, что «большой и малый разврат, доносы, сплетни, подсиживание друг друга и слезка одного за другим, мелочная и жестокая борьба

за место даже под хмурым соловецким небом липкими и крепкими тенетами опутывает нас» [Андреев, 1950, с. 50].

Герой Г. Андреева максималист, максималист в силу своего возраста. Он готов на риск, ибо верит в свободу, верит в себя, в жизнь. Вспомним, как бежал за границу в 1925 г. сосланный в Нарымский край И. Болдырев (Шкотт), автор повести «Мальчики и девочки»; как бежал сначала в армию Миллера, а потом из Марселя и Константинополя на Кавказ старший сын Л. Н. Андреева, поэт и писатель В. Андреев; как бежал из дома в армию Юденича прозаик Л. Зуров; как бежал из Галлиполийских лагерей в Константинополь, будучи солдатом белой армии, писатель Г. Газданов; как бежала через половину России вместе с матерью и сестрами двенадцатилетняя З. Шаховская; как бежал через границу с отцом почти в подростковом возрасте другой писатель — В. Яновский; как бежал из Петербурга в Крым вместе с братом Сергеем юный В. Набоков. Вообще тема бегства — бегства из тоталитарной страны, из неволи, а потом — из рутины и косности бытия — станет для этого поколения эмигрантских авторов сквозной и необыкновенно устойчивой. Их герои унаследуют авантюрно-свободолюбивую позицию своих создателей, и тоже будут непременно бежать, стремиться к свободе, к тому, чтобы вырваться из застенков тюрьмы или из духоты быта.

Что же касается темы побега в творчестве Г. Андреева, то она, возникнув в книге о Соловках, займет центральное, сюжетообразующее место в книге «Трудные дороги», хронологически продолжающей повесть о судьбе автора и его автобиографического персонажа. В какой-то мере это будет повторение истории лермонтовского Мцыри, убежавшего из монастыря на волю, в «мир тревог и битв» и принесенного обратно умирать. У Г. Андреева герой бежит из лагпункта Пионерный и, совершив головокружительное путешествие через горы, побыв «в своей воле» несколько недель, возвращается обратно снова в арестантском вагоне, возвращается лишь для того, чтобы дожидаться своего смертного приговора. Та же лермонтовская романтическая контрастная основа — несвобода, навязанная людьми, и зов природы, сулящий освобождение: «Всюду я приглядывался: нельзя ли уйти? Страсть к воле, к чему-то другому, сидела в крови, ее не заглушить»; «а горы светят, как гибнущему в море маяк» [Андреев, 1959, с. 34]. Смертельно опасной схватке с барсом лермонтовского героя в тексте Г. Андреева подобна схватка с «каменным хаосом» гор, среди которых едва не погибли два бежавших лагерника. Примечательно, что герой книги Г. Андреева совершает наконец свой удачный побег именно тогда, когда этот поступок наименее мотивирован реальными обстоятельствами: в лагпункте Пионерном он проводит свой лучший за время заключения год, так как здесь, вдали от большого лагеря, царит относительная демократия и отсутствуют все те жестокие вещи, которые делали жизнь заключенных невыносимой. Этот побег — скорее всего зов души, «старый зов», как именуется его автор.

Из всех очерково-автобиографических книг Г. Андреева «Трудные дороги», безусловно, самая романтическая, не случайно предшествуют книге гордые слова Э. Хемингуэя из повести «Старик и море»: «Человек не рожден для поражений.

Его можно убить, но не победить. Человек побеждает всегда». Читая «Трудные дороги», можно вспомнить не только М. Ю. Лермонтова, но и Д. Дефо (первый очерк так и называется — «Северная робинзоада»), и рассказы Д. Лондона (тема испытания человека суровой северной природой звучит как заглавная в очерках «В своей воле», «В куликовом царстве», где два беглеца преодолевают немислимой тяжести северную дорогу). Присутствуют в «Трудных дорогах» и знаменитые «карточные» сюжеты: в главе «Неожиданное осложнение» Хвоцинский, напарник главного героя в побеге и, как выясняется, заядлый карточный игрок, проигрывает «туземцам» общие деньги. Вторая часть книги, где повествуется о трагическом финале побега, о тюрьме, которая окончательно смыкает над героем свои своды, заставляет припомнить всю «тюремную классику» мировой литературы. Однако не только ее, не только известные всем произведения В. Гюго, Стендаля, А. Дюма, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Тема ожидания смертного приговора, неотвратимой и очень скорой, но все равно непредсказуемой гибели, тема ужаса перед реальностью уничтожения собственной личности сближает последние очерки «Трудных дорог» с такими текстами ровесников Г. Андреева и представителей первой волны эмиграции, как рассказы И. Савина, «Приглашение на казнь» В. Набокова, тюремный дневник Б. Вильде.

Подобно Цинциннату Ц., подобно И. Савину и Б. Вильде, герой Г. Андреева проживает свой собственный опыт «смертника»: после того как их, бежавших зеков, привезли туда, откуда был совершен побег, а дело отправили в Москву, «жить осталось месяца три, не больше». Эти три месяца, проведенные, правда, не в одиночке, а в камере с двумя такими же обреченными, имеют, как психологически достоверно показывает Г. Андреев, свою динамику: сначала рассказы о прошлом, ожесточенные споры, потом — практически полное молчание, полное отсутствие каких-либо желаний, полная замкнутость каждого на себе, на мысли о том, что вот-вот должен из Москвы дойти приговор. Приведем достаточно большую, но очень яркую цитату — слова, которые словно продолжают отрывочные мысли Цинцинната Ц. или такие же отрывочные записи Б. Вильде:

Как будет здесь? Придут ночью, — это черное дело требует ночной тьмы, — выведут, поведут в лес... Только подумаешь — судорожно сожмется сердце, обольется горячей кровью, тело загопит нестерпимая тоска. Я не хочу умирать!

Я убеждаю себя, стыжусь своего страха. Чем я лучше тысяч и миллионов ушедших этой же дорогой и тех, кто еще уйдет по ней? Моя судьба — только крошечная частица общей судьбы, это наше общее несчастье, мы все растворяемся в нем. Но разве те, ушедшие, не сжимались в таком же страхе? Они тоже не хотели умирать. И в этом нельзя слиться с другими, раствориться в толпе. Это ведь последнее, что есть у тебя и что отделяет тебя от всех, так, что ты один среди многих. Разве стыден страх перед тем, что у тебя хотят отнять жизнь? Разве преступно желание жить? Может, оно когда-то где-то становится преступным, но только не тут, не в этой камере.

Представляя, как это произойдет, иногда я боюсь, что не выдержу в последний момент, закричу, как кричат другие, буду биться, потеряю сознание. Смогу ли я управлять своим телом, приказать, чтобы оно выдержало до конца, до того, как я услышу неуловимый миг начала выстрела? В это время я еще буду жить. Мне хочется,

чтобы я выдержал, устоял: до конца. Но зачем? Что за забота? Кто увидит, как меня убьют, перед кем сдерживаться, перед кем геройствовать? Перед профессиональными убийцами, давно потерявшими человеческий образ, которых ничем не удивить? Перед самим собой? Но меня ведь больше не будет!.. [Андреев, 1959, с. 148]

Понимая свою обреченность, герой Г. Андреева, как и герой В. Набокова Цинциннат Ц., как узник тюрьмы Френ Б. Вильде, чтобы сделать свое ожидание выносимым, начинает в какой-то момент писать:

Я в эти дни городил мир своих выдумок и с головой уходил в него. В канцелярии были литературные журналы, — я писал фантастические рассказы, статьи, письма, и через одного из работников бухгалтерии отсылал их в редакции журналов. Одной стороной сознания я отчетливо знал, что ничего из этого не может быть напечатано: написанное не подходило к времени, оно отвергало его. Но я не слушал эту сторону сознания. Я старался всерьез верить, что посылаемое будет обсуждаться и печататься. И я, вслед за моими письмами и пакетами, выходил из стен тюрьмы, переносился в редакции, ходил по улицам Москвы и Ленинграда, — тюрьмы и того неизбежного, что было передо мной, больше не было. Может быть, я обманывал себя, надеясь, что от меня останется след не только в архивах НКВД? [Там же, с. 132]

Однако самое удивительное в этой истории то, что героя Г. Андреева, в отличие от Цинцинната Ц., в отличие от Б. Вильде, именно его «писательство» действительно спасает: среди написанных им фантазий было и заявление в Президиум ЦИК СССР, отправленное в Москву кем-то из вольнонаемных. Герой забыл о нем, но чудо свершилось — из Москвы пришла бумага, и не приговор, а напротив, амнистия — пропуск на волю. Освобождение Цинцинната Ц., освобождение Б. Вильде состоялось лишь в мистическом смысле — как освобождение духа от тенет плоти и тяжести жизни, освобождение же юного лагерника Г. Андреева произошло в буквальном смысле. И все-таки философско-лирический пассаж автора во Вступлении к книге словно заранее приподнимает и символизирует это событие, расширяя его границы и значение почти до такой же метафизики: «...задолго до урочного часа я живу тайным предчувствием освобождения» [Там же, с. 7]. Ясно, что и в жизни, и в литературном творчестве «освобождение» стало для писателя словом-символом, каким являлось оно для Б. Вильде, для В. Набокова, для многих писателей — их ровесников. Вспомним, что В. Варшавский, завершая свою книгу о «незамеченном поколении» и сравнивая «атмосферу литературы поколения эмигрантских сыновей» с той атмосферой, которая пришла ей на смену в произведениях новой эмиграции, в качестве знака общности, знака внутреннего единения выбирает и называет книгу эмигранта Ди-Пи М. М. Корякова «Освобождение души»: «...не к этой ли последней цели, только в других условиях и борьбе с другими препятствиями, были направлены и усилия эмигрантских сыновей?» [Варшавский, с. 372–373].

Следующий этап своей судьбы, тот, что начался после чудесного выхода из лагеря, Г. Андреев воспроизвел в книге «На стыке двух эпох. Из воспоминаний». По сути дела, из всех очерковых книг Г. Андреева она одна посвящена

мирной гражданской жизни, которая наступила, наконец, для автора между лагерем и войной. Вот ее краткий сюжет: выйдя из «преисподней», герой Г. Андреева выбирает для проживания «маленький город на юго-востоке страны», приходит в себя, устраивается на работу — на лесопильный завод, директор которого, тоже совсем молодой человек и бывший беспризорный Непоседов, становится его другом. Но Непоседова переводят в другое место, герой, оставшись один, всеми правдами и неправдами вновь пытается выжить, найти работу, на что его «волчий билет» (лагерное прошлое) почти не оставляет надежды. В поисках правды он приезжает в Москву, где снова встречается с Непоседовым, теперь уже директором лесопильного завода в одном из городов Подмосковья. Так герой вторично обретает почву под ногами и становится правой рукой Непоседова на предприятии.

С этого момента авантюрно-приключенческий роман из сталинских времен уступает место советскому производственному роману, где главная тема — труд и борьба за показатели, а герои раскрываются непосредственно в этой борьбе. У Г. Андреева в его очерках тоже именно так. Его герой вместе с Непоседовым и другими производственниками охвачен лихорадкой энтузиазма и желания превратить свое предприятие, которое систематически недовыполняло план, в предприятие передовое, только вот средства, которыми они действуют, совсем не общепопулярны в советской стране. Прежде всего, это введение новой «прогрессивной» оплаты труда, переоборудование завода, создание позитивной рабочей атмосферы. Люди на заводе Непоседова начинают получать двойную зарплату, для них строится добротное жилье, проводится большой воскресный праздник, на заводе вводится в эксплуатацию новый котел, а в результате — предприятие не только справляется с планом, но и перевыполняет его, и все это, как настойчиво показывает автор, не благодаря системе социалистического управления, а вопреки ей. Чтобы всего этого достичь, Непоседов и его ближайшие сподвижники (принадлежит к числу которых и автобиографический герой) мастерски «обходят» букву закона в пользу своих же трудящихся и общего дела. Можно сказать, что в образе Непоседова показан идеальный управленец сталинского времени, но, как ни парадоксально, управленец антисталинской природы. И это был, как нас убеждает автор, далеко не единичный случай. Один из очерков книги так и называется: «Антикоммунисты строят коммунизм». Механизм и природу этого феномена Г. Андреев детально показал, как показал и еще одну вещь — «бессистемную систему» социалистического хозяйствования, в которой есть надрыв, но нет элементарной производственной логики. Помимо печальной участи поднятого было Непоседовым и опять «убитого» лесопильного завода, много внимания в книге уделено критике лесной промышленности при большевиках, абсурдности ее устройства: «Всюду две стороны, два лица, ведь государство существует не ради своих граждан, а ради строительства социализма» [Андреев, 1954, с. 120].

Конечно же, книга очерков «На стыке двух эпох» с ее производственной тематикой, с ее экскурсами в область технологий и экономики, с ее простым

построением и незамысловатыми названиями глав и отдельных очерков напрямую связана с советской действительностью 1930-х гг., а также с советской производственной прозой, пусть даже эта связь и осуществляется посредством отталкивания, в результате чего получается своеобразный жанр — производственный роман наоборот. В любом случае это — если вновь оглядываться на культурный контекст первой волны русской эмиграции — как раз тот материал, та проблема, тот стиль, которые были категорически невозможны для писателей-эмигрантов довоенного времени. Ровесники Г. Андреева за рубежом тоже писали о своем эмигрантском труде, часто тяжелом, часто заводском, писали о разнообразных профессиях, которые им пришлось освоить, но все это никогда не становилось магистральной темой их творчества. Советские романы о темпах труда и колхозах они всячески высмеивали, ведь им-то самим интересней всего был человек, а не его производительный труд и не производство как таковое. И все-таки, как ни покажется эта мысль парадоксальной, и герой «производственных» очерков Г. Андреева, и многочисленные герои «молодой» эмигрантской литературы имеют одну несомненную общность. Эта общность — их асоциальное положение, их маргинальность на фоне устойчивого и чуждого бытия. Как и герои Г. Газданова, Б. Поплавского, В. Набокова, Н. Берберовой, В. Яновского, В. Варшавского, В. Андреева, В. Емельянова, автобиографический герой Г. Андреева находится во внутренней оппозиции по отношению к миру внешнему, будь то мир чуждой буржуазной Европы (у них) или мир чуждого социализма (у него).

Третий, завершающий круг испытаний, отразившийся в прозе Г. Андреева, — Вторая мировая война. Началом войны в Советском Союзе, событиями ее первых месяцев заканчивается книга «На стыке двух эпох». О собственной участи солдата на войне написана самая большая книга Г. Андреева — «Минометчики». В этих свидетельствах «о времени и о себе» много невероятно интересных фактов, бытовых и психологических подробностей, останавливаться на которых в пределах нашей темы нет возможности. Отметим лишь наиболее для нас важное — идейно-нравственную позицию, занимаемую автором. Она непроста и не типична для «советской» военной прозы, зато вполне соотносима с позицией многих поучаствовавших в войне его сверстников-эмигрантов.

В подавляющем большинстве молодые русские эмигранты первой волны вели себя во время Второй мировой войны как убежденные антифашисты и — после нападения на СССР — патриоты своей бывшей далекой родины. Однако мера, а главное, качество этого патриотизма были разными. Кто-то проникся по отношению к Советской России новым уважением, восхищением настолько, что посчитал возможным взять, в конце концов, советский паспорт (А. Андреев, А. Ладинский, Б. Сосинский, Ю. Софиев). Кто-то, как, например, В. Варшавский, во время войны, наоборот, ощутил опасность приближения давно покинутого советского мира с его неистребимой агрессией по отношению к человеку. Кто-то, как Г. Газданов, несмотря на интерес к советским людям и сочувствие бежавшим военнопленным, несмотря на вполне определенную и очень деятельную

патриотическую позицию, так никогда и не склонился на сторону советской власти, не стал лоялен по отношению к советскому режиму.

Точно так же и для Г. Андреева выработка собственной точки зрения на войну, а главное, понимание своего места в ней изначально предстают как сложная проблема. Пожалуй, гораздо бо́льшая, нежели для его сверстников-эмигрантов, ведь положение его радикально иное. Так, уже в конце книги «На стыке двух эпох», когда вся атмосфера жизни наполняется ощущением надвигающейся катастрофы (немцы вот-вот подойдут к Москве, в которой начинается повальная эвакуация и повсеместная паника), автор пытается дать объективную картину умонастроений людей. То и дело его герой выслушивает свидетельства очевидцев, которые рассказывают, как, отступая, Красная армия, невзирая на мольбы людей, уничтожает и «склады богатейшие», и «посевы», как происходит само отступление — «фронта нет: немцы то впереди, то сбоку, то сзади» [Андреев, 1954, с. 193]. Один из «партийцев» констатирует: «На фронте кабак, армии сдаются в плен... Если с умом, сейчас всю Россию можно занять без особого труда: защитников нашего строя нет» [Там же, с. 198]. Однако не все так просто. Это понимает герой-повествователь, это понимают и другие персонажи — его случайные собеседники и попутчики. Никто из них не готов радоваться Гитлеру, никто из них не хочет остаться, чтобы сдать на милость победителей.

Сюжетом военной судьбы Г. Андреева организована его последняя очерковая книга «Минометчики». Будучи после лагерей «белобилетником» по здоровью, герой-повествователь в 1942 г. все-таки попадает в армию и проходит все возможные испытания, связанные с войной: учебные лагеря, участие в обороне Керченского полуострова, пребывание в подземельях Джимушкая, плен, череда немецких концлагерей, переправка в Норвежский центральный лагерь советских военнопленных, «шпионская школа» под Берлином, уход из нее. Каждый из этих этапов изображен подробно, и каждый содержит прямую или косвенную критику советского режима, советского порядка (в трактовке Г. Андреева — только беспорядка), советской идеологии, советской военной тактики и стратегии. Однако при всем том автор-повествователь не идет в ряды РОА, не остается в специальной разведшколе под Берлином, не присягает Гитлеру. Ему неприятны предатели и противны фашистские прислужники — «внутренняя лагерная полиция». Он вообще не знает, как быть, так как ему хочется «поражения двух диктаторов, а не нашей страны» [Андреев, 1976, с. 106–107]. Он вовсе не пораженец, но и патриотизм его советским не назовешь.

Подводя итог, можно сказать, что в своей очерково-автобиографической прозе Г. Андреев, как и «сыновья» эмиграции, стремился отразить взгляд на мир отдельного человека, человека далекого от общественных идей и общепринятых штампов как одной, так и другой крайности, сформированного и детерминированного лишь собственным тяжелым жизненным опытом и собственным мироощущением. Всегдашний герой-повествователь Г. Андреева — это и есть тот «внутренний человек», романтический и экзистенциальный, который был столь дорог писателям-первоэмигрантам младшего поколения. Не случайно

мир ощущений и воспоминаний, мир тоски, сомнений и предчувствий для него такой же родной, как для героев В. Варшавского, Г. Газданова, В. Набокова, Б. Поплавского. Конечно, творчество Г. Андреева лишено изысканности стиля, неуловимо-европейского налета и неуловимо-глубокой философичности большинства его европейских ровесников (советское прошлое и в манере писать дает о себе знать), но напор жизненной правды и человеческого чувства, как и у них, в его текстах многое искупает, делая их ненапрасными.

Андреев Г. Соловецкие острова // Грани. 1950. № 8. С. 42–90.

Андреев Г. На стыке двух эпох. Из воспоминаний // Андреев Г. Горькие воды. Очерки и рассказы. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1954. С. 9–209.

Андреев Г. Трудные дороги. Мюнхен : Т-во Зарубежных Писателей, 1959.

Андреев Г. Минометчики // Новый журнал. 1975. № 119, 120; 1976. № 122, 123, 125; 1977. № 126, 127, 128; 1978. № 131, 133.

Бабичева М. Е. Геннадий Андреевич Андреев (Хомяков) // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции : биобиблиогр. очерки. М. : Пашков дом, 2005. С. 47–74.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956.

Газданов Г. И. Письма Л. Д. и А. С. Ржевским // Газданов Г. И. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5 : Письма. Polemica. Современники о Газданове. М. : Эллис Лак, 2009. С. 204–261.

Гуль Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк : Мост, 1973.

Коростелев О. А. Журнал-лаборатория на перекрестке мнений двух волн эмиграции: «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова : Галина скрипит, 2013. С. 423–436.

Ржевский Л. Д. Национальная культура и эмиграция. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1952.

Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М. : Терра. Спорт, 2000.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж : YMCA-Press ; М. : Рус. путь, 1996.

Тератиано Ю. К. Встречи: 1926–1971. М. : Intrada, 2002.

Цуриков Н. Дети эмиграции: обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему «Мои воспоминания» // Дети эмиграции: Воспоминания : сб. ст. / под ред. В. В. Зеньковского. М. : Аграф, 2001.

Morard A. De l'émigré au déraciné. La “jeune generation” des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Lausanne : L'Age d'homme, 2010.

Статья поступила в редакцию 22.09.2016 г.

Матвеева Юлия Владимировна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX и XXI в.
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

Matveeva, Yulia Vladimirovna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Chair of Russian Literature of the 20th and
21st Centuries
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

**A GENERATION GONE “ODVUKON”:
LITERARY HERITAGE OF G. ANDREEV (KHOMYAKOV)
IN THE CONTEXT OF THE CREATIVE FATE OF THE “YOUNG” WRITERS
OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION**

The article makes an attempt to expand the boundaries of the long-established idea of the “unnoticed generation” of Russian émigré writers by comparing the fates and literary works of émigré “sons” and their contemporaries from Soviet Russia, and in this case – the ones who came to the West during World War II. The author focuses on the creative work of G. A. Andreev (Khomyakov), who consistently reproduced the life of his generation in its Soviet manifestation in his documentary and autobiographical prose: prisons and camps; the participation in the Soviet construction and production; the fate of a soldier during the war. The three thematic layers (camp – production – military) almost completely overlap with the overriding blocks of the auto-documentary plot that is recurrent in the works of “young” writers of white emigration: the Russian Civil War; declassed existence in a foreign country; participation in the Resistance. Referring to the content and thematic levels, the author points out the traits of generational unity in the works of G. Andreev (Khomyakov) and many representatives of the “young” literature of the first wave of emigration.

Key words: G. A. Andreev (Khomyakov); second wave of emigration; unnoticed generation; émigré “sons”; autobiographical prose.

Andreev, G. (1950). Solovetskie ostrova [Solovetsky Islands]. *Grani*, 8, 42–90. (In Russian)

Andreev, G. (1954). Na styke dvukh epoch. Iz vospominaniy [At the Turn of the Epoch. From Memoirs]. In G. Andreev, *Gorkie vody. Ocherki i rasskazy* [Bitter Waters. Essays and Stories] (pp. 9–209). Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)

Andreev, G. (1959). *Trudnye dorogi* [Difficult Roads]. München: Tovarishchestvo zarubezhnykh pisateley. (In Russian)

Andreev (Khomyakov), G. (1975, 1976, 1977, 1978). Minometchiki [Mortar Men]. *Novyy zhurnal*, 119–120, 122–123, 125–128, 131, 133. (In Russian)

Babicheva, M. E. (2005). Gennadiy Andreevich Khomyakov. In M. E. Babicheva, *Pisateli vtoroy volny russkoy emigratsii: bibliograficheskie ocherki* [Writers of the Second Wave of Russian Emigration: Bibliographic Essays] (pp. 47–74). Moscow: Pashkov dom. (In Russian)

Gazdanov, G. I. (2009). Pisma L. D. i A. S. Rzhvskim [Letters to L. D. and A. S. Rzhvsky]. In G. I. Gazdanov, *Sobranie sochineniy* [Collected Works] (Vols. 1–5). (Vol. 5, pp. 204–261). Moscow: Soglasie. (In Russian)

Gul', R. (1973). *Odvukon. Sovetskaia i emigrantskaia literatura* [Odvukon. Soviet and Émigré Literature]. New York: Most. (In Russian)

Korosteliov, O. A. (2013). Zhurnal-laboratoria na perekriostke mneniy dvukh voln emigratsiy: «Opyty» (New York, 1953–1958) [A Laboratory-Magazine at the Crossroads of the Views of the Two Waves of Emigration: “Experiments” (New York, 1953–1958)]. In O. A. Korosteliov, *Ot Adamovicha do Tsvetaevoy: literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubegia* [From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, Criticism, Russian Press Abroad] (pp. 423–436). Saint Petersburg: Izd-vo im. N. I. Novikova; Galina skripsit. (In Russian)

Morard, A. (2010). De l'émigré au déraciné. La “jeune generation” des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940) [From Émigré into the Uprooted. The “Young Generation” of Russian Writers between Identity and Aesthetics (Paris, 1920–1940)]. Lausanne: L'âge d'homme. (In French)

Rzhvsky, L. D. (1952). *Natsional'naya kul'tura i emigratsiya* [National Culture and Emigration]. Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)

Rzhevsky, L. D. (2000). *Mezhdú dvukh zvezd* [Between Two Stars]. Moscow: Terra. Sport. (In Russian)

Struve, G. P. (1996). *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. Paris: YMCA-Press; Moscow: Russky put'. (In Russian)

Terapiano, Yu. K. (2002). *Vstrechi: 1926–1971* [Meetings: 1926–1971]. Moscow: Intrada. (In Russian)

Tsurikov, N. (2001). *Deti emigratsii: obzor 2400 sochineny v russkikh emigrantskikh shkolakh na temu «Moi vospominania»* [Émigré Children: A Review of 2400 Students Works of Russian Émigré Schools on the Topic “My Memories”]. In V. V. Zenkovsky, *Deti emigratsii: Vospominania: Sbornik statei* [Émigré Children: Memories: Collected Articles]. Moscow: Agraf. (In Russian)

Varshavsky, V. S. (1956). *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. New York: Izdatelstvo imeni Chekhova. (In Russian)

Received on 22 September, 2016